

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Лопе
де Вега**

Гусман Смелый

Перевод с испанского
Александра Смирнова

Лопе де Вега
Гусман Смелый
Серия «Новеллы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170734

Лопе де Вега. Избранные произведения: Рипол Классик; Москва; 2003

ISBN 5-7905-1846-X

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Лопе де Вега Гусман Смелый

Если вашей милости угодно, чтобы я стал вашим новеллистом, раз уж мне не суждено быть вашим кавалером, совершенно необходимо, чтобы вы смилостивились надо мной и чтобы ваша признательность меня вдохновила. Цицерон устанавливает различие между щедростью бескорыстной и вознаграждаемой.¹ Благостно рвение, когда оно бескорыстно; будучи вознагражденным – оно уже вынужденно. Но если я не расположен подкупать моего благодетеля, то, с другой стороны, и от полагающегося мне по праву я не желал бы отказываться; а было бы несправедливо, если бы ваша милость вознаградила меня, предоставив доброй воле богов, как поступил Эней с Дидоной, объявив:

Коль небо справедливым воздаяньем
Смиренные заслуги отличает,
То от него ты вправе ждать награды,²

Таково было мнение философа, несомненно желавшего

¹ Цицерон устанавливает различие... – Сходное высказывание содержится у Цицерона в книге «О законах» (I, 48).

² Коль небо справедливым воздаяньем... и т. д. – Вергилий. Энеида, песнь I, ст. 603–605.

быть вознагражденным, и потому римский сатирик³ сказал:

Кто любил бы добродетель,
Не сули она наград?

И хотя выигрывает не тот, кто получает, а тот, кто дает, мне, ваша милость, представляется, что у нас с вами получается совсем как у того кабальеро с крестьянином, о которых рассказывает Федр⁴ (ваша милость, вероятно, не изволили даже слышать имя этого искусного перелagateля басен Эзопа). Так вот, он рассказывает, что однажды крестьянин нес зайца, попавшего в силоч (так называется западня, зажимающая лапки зверька). Ему повстречался кабальеро, который, должно быть, ради собственного удовольствия выехал покататься в поле на прекрасной лошади. Он спросил крестьянина, не продаст ли тот зайца. Получив утвердительный ответ, он выразил желание хорошенько его рассмотреть, а затем спросил, сколько хотел бы за него получить крестьянин. Последний прикинул зайца на вес и назвал цену, но едва он передал зайца всаднику, как тот прищпорил коня и ускакал, унося с собой добычу. Одураченный крестьянин, стремясь

³ ...римский сатирик... – Имеется в виду Ювенал, сатира X, ст. 132–142, откуда Лопе де Вега цитирует две последние строки в довольно точном переводе.

⁴ Федр – известный римский баснописец (I в. н. э.). Мы решились здесь поставить его имя вместо значащегося во всех испанских изданиях совершенно непонятного «Фаэрен», возникшего, видимо, в результате описки автора или опечатки в первом издании, в дальнейшем повторявшейся автоматически.

превратить нужду в добродетель, а кражу в подарок, крикнул ему вслед: «Эй, сеньор, я вам дарю этого зайца! Кушайте его себе на здоровье, кушайте со спокойной совестью! Помните, что я вам отдал его добровольно, как своему лучшему другу!»

Но это я рассказал просто так, потому что к слову пришлось, и мне не было никакой надобности выискивать поучительные примеры, приводимые доном Диего Роселем де Фуэнльяна, кабальеро, именовавшимся в испанских владениях прапорщиком и напечатавшим в Неаполе книгу «Примеров»,⁵ без которой не может обходиться ни один ипохондрик.

Итак, посвящая вам мои новеллы, я рискую оказаться в положении упомянутого крестьянина, а потому мне кажется, что лучше всего начать эту новеллу заявлением: «Примите ее, ваша милость, я даю вам ее добровольно – хотя положение мое отличается от положения крестьянина тем, что, когда его вздумали обмануть, он об этом и не подозревал, тогда как я, зная, что меня ждет, все же позволяю себя обманывать».

В одном из городов Испании, название которого нам с вами безразлично, с юных лет учился дон Феликс, происходивший из благороднейшего дома Гусманов и ни разу не запят-

⁵ ...напечатавшим в Неаполе книгу «Примеров»... – Диего Росель де Фуэнльяна – незначительный испанский писатель, живший и печатавшийся в Неаполе в конце XVI-начале XVII в. Его книга, точное название которой «Часть первая примеров и трансформаций...», вышла в Неаполе в 1613 г.

навший своими поступками славу древнего рода. Испанские авторы до сих пор ведут споры по поводу этого имени: одни стремятся найти корни его в Германии, другие же непременно хотят доказать его готское происхождение, производя его от имени Гундемар. На левой половине герба этого дома изображены по серебряному полю три горностая, а на правой – по золотому – лазурные котлы. Как бы то ни было, Гусманы с незапамятных времен были грандами, и среди них встречались люди смелые и благородные. Такими, например, были Педро Руис де Гусман, живший в XII веке, и дон Алонсо Перес де Гусман,⁶ родоначальник дома герцогов Медина-Сидония, названный в надгробном камне удачливым, а также многие другие мужи, достойные вечной памяти, как, скажем, дон Педро де Гусман – сын герцога дона Хуана I, и граф Оливарес, служивший императору Карлу и совершивший много смелых подвигов. Но со всеми названными мог бы смело сравниться по своей доблести, если не по положению в обществе, юноша, о котором мы рассказываем. Как я уже говорил, герой наш учился, – да простит мне ваша милость это отступление, приняв во внимание, что я многим обязан названному благороднейшему дому, – в том самом городе, где начинается моя новелла. Достоинства это-

⁶ Алонсо Перес де Гусман (1258–1309) – испанский военный и политический деятель, особенно прославившийся обороной крепости Тарифа от мавров. Он отказался сдать крепость, несмотря на то, что мавры угрожали в противном случае убить оказавшегося у них в плену сына Гусмана. Этот подвиг воспет во многих произведениях испанской литературы.

го юного кабальеро были таковы, что студенты – будь то наши соотечественники, будь то иностранцы – полюбили его до такой степени, что готовы были отдать за него жизнь, и, общаясь с ним, забывали тоску по родному дому. Днем он вел себя столь благоразумно, что трудно было узнать в нем человека, который по ночам устрашал жителей города дерзостью своих выходок, а потому многие считали, что у него есть двойник, совершенно не понимая, как может в одном человеке совмещаться гибкий разум Меркурия с воинственной отвагой Марса. Стоило ему днем замолвить слово за какого-нибудь просителя, как должность, о которой он ходатайствовал, уже была ему обещана; и хотя его ночные бдения частенько заканчивались схваткой, он всегда выходил победителем, хотя, случалось, дело было не из пустяковых, ибо когда врожденной смелости помогает удача, то тут не смогут устоять никакие враги и преграды. Должен признаться, что бесстрашие и отвага мне представляются щитом чести; что же касается сочинителей всевозможных писуллек, позорящих чужую славу, то я считаю, что у них трусливые души и бабыи руки.

По доброй ли воле или побуждаемый к тому своими увлечениями, которые вели его по иному пути, но дон Феликс забросил занятия науками. И здесь ни при чем звезды, ибо господь сотворил звезды для человека, а не человека для звезд. И я должен сказать вашей милости, что дон Феликс покинул свою родину не без причины.

Нередко по ночам ему случалось сопровождать своего друга Леонело, молодого кабальеро, которому одна дама – довольно знатного происхождения, но недостаточно благородного поведения – оказывала приют в своем доме. Узнав, что дон Феликс столько ночей напролет простаивает на часах у ее дома, она, уже наслышанная о его славе, прониклась состраданием к его бдениям, и, поскольку женщины этого сорта с жадностью заглядываются на то, что находится на улице, пренебрегая тем, что имеется в их собственном доме, она стала просить Леонело облегчить лишения дона Феликса, так как, во-первых, невежливо заставлять страдать друга, пока развлекаешься сам, а во-вторых, ее доброму имени способен причинить больше вреда один мужчина на улице, чем двое мужчин в ее доме. Эти доводы настолько теперь хорошо усвоены, что уже не заметишь мужчину в дверях или, что еще чудеснее, в окне дома, как это бывало раньше. Так оно, без сомнения, надежнее и, может быть, более пристойно, ибо добрая слава женщины больше страдает от привязанной у дверей лошади, чем от хозяина ее, гостящего в доме. Ведь недаром говорится: лучше лакей спящий, чем сосед глядящий; бывают же такие соседи, которые готовы не спать всю ночь, чтобы только поглядеть на то, о чем они и без того знают, да еще с таким интересом, словно они отродясь этого не видели.

Как-то один кабальеро завел обыкновение беседовать по ночам со своей дамой, а была она из тех, которые, как бы им

самим того ни хотелось, никогда не открывают дверей, – и стала на них глазеть соседка, жившая через улицу; получилось так, что они не могли больше беседовать, а она – спать. Тогда кабальеро решил носить с собой пращу для метания камешков и, спрятавшись за углом, стал их метать наудачу, хотя желание его попасть в цель было столь сильно, что этому не мог воспрепятствовать даже ночной мрак. Тогда любопытная соседка, рассудив, что этак она, пожалуй, рискует окриветь но в то же время не в силах побороть в себе желание узнать, о чем говорят влюбленные, и подсмотреть как они себя ведут, надела на голову кастрюлю и в таком виде высунулась наружу. Камешки стали попадать в кастрюлю, производя такой грохот, что он перебудил всех соседей, и любовникам волей-неволей пришлось разлучиться.

Фелисии нетрудно было добиться того, чтобы дон Феликс получил приглашение войти в ее дом, так как и сам Леоне-ло очень сочувствовал тем лишениям, которые по его вине переносил дон Феликс, и сознавал суровость обязанностей, возложенных им на друга.

Дон Феликс поднялся в дом, чтобы поздороваться с хозяйкой. На нем было то самое платье, в котором он стоял на часах: буйволовая куртка поверх льняного колета, суконные плащ и штаны, чулки с подвязками жемчужного цвета, широкополая шляпа без всяких украшений, щит на ремне и в руке шпага. Дон Феликс был смугл и черноволос, и в нем было больше привлекательности, чем красоты; черные усы,

изящная фигура при высоком росте и прежде всего скромность и вежливость украшали его. Впрочем, он был одет не по требованиям современной моды: ему доставало стоячего воротника, который удачно прозвали ошейником, – ужасное одеяние несчастных испанцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.